

Монарх наказывает обер-секретаря кнутом и паки определяет его в должности

Из инструкции, данной его величеством обер-секретарю Сена-та, ясно видно, сколь важную почитал монарх должность его, какова она и есть в самом деле, и на сей-то конец чин его сравнил с чином полковника, каковой чин имели и камергеры двора его; а желая, дабы он не имел нужды прибегать к непозволительным средствам для содержания своего, определил ему жалованье несравненно большее, нежели другим сего чина служащим, которое по тогдашнему времени и в рассуждении крайней дешевизны жизненных потребностей весьма было довольно к безнужному содержанию и продовольствию себя.

Один из сих обер-секретарей, человек весьма деловой и знающий законы, носил отличную на себе милость его величества. Сей обер-секретарь, ведши себя в должности своей беспорочно, прельщен был напоследок корыстию и, из взятков кривя весами правосудия, довольно обогатился, что между прочим и обнаружил построением несоразмерного состоянию своему дома.

Монарх, от которого прозорливости ничто укрыться не могло, в одно время ехал в Сенат в санях. Стоявшие назади оных два денщика, из зависти к сему обер-секретарю, завели об нем между собою речь, как он разбогател, какой построил дом, как его богато убрал; а все-де знают, что он не из дворян и никаких доходов, кроме жалованья, не имеет. Таково-то, заключили они разговор свой, быть обер-секретарем. Разговор сей вели они довольно громко, с намерением, чтоб государь вслушался в оный⁶.

Монарх, не подав однако же виду, чтоб внимал им, притворился, будто он прозяб, и, подъезжая к дому того обер-секретаря, сказал: «Как бы заехать к кому обогреться?» А поверставшись с домом его, промолвил: «Да вот! Изрядный дом». Хозяин уже был тогда в Сенате, а хозяйку, приведенную сим нечаянным посещением в смятение и страх, государь тотчас успокоил милостивым и ласковым обращением с нею, сказав: «Не прогневайтесь, хозяйюшка, что я заехал к вам обогреться», — потом похвалил дом их, любовался всеми приборами и просил показать ему все покои и спальню; и наконец, поблагодаря ее, поехал; и прибыв в Сенат, сказал обер-секретарю, что был он в его доме, который де так прибран, что кто б и тысячу душ имел за собою, не мог бы иметь лучшего.

По окончании присутствия, поелику монарх не терпел никакого отлагательства дел и продолжительных следствий, взял его в особый покой и наедине требовал от него искреннего признания, из каких доходов мог он такой построить себе дом и так богато его убрать?

К несчастью своему, обер-секретарь сей возомнил, что, может быть, он удовлетворит вопросы его величества разными увертками, относя то частию экономии своей, частию помощи друзей своих и проч.

Известно же, что ничем толико не прогневался монарх, как непризнанием; он из Сената же повелел ему следовать за собою и, прибыв в крепость, требовал от него грозно во всем признания. Сей, видя, так сказать, беду свою, принужден был признаться, что дом свой построил из взятков и что с кого и за какое дело взял. «Тебе было, — сказал монарх, — таковое признание учинить должно в Сенате, не допуская себя до сего места; а из сего видно, что ты бы и никогда не учинил оногo, не видя пред собою кнута». И так повелев без свидетелей дать ему оным несколько ударов, отпустил его домой.

Но как сей наказанный по знанию своему в делах был его величеству нужен, то через три дня быв в Сенате, спросил его; но ответствовано, что он болен. Монарх, зная тому причину, призвав его ввечеру к себе во дворец, поручает ему как обер-секретарю одно важное дело. Сей, падши к ногам его величества, представляет, что он по законам не может уже не токмо носить на себе звание обер-секретаря, но и считаться между честными людьми; буде же его величеству угодно, чтоб он вступил паки в прежнюю свою должность, то б из монаршего милосердия указал очистить его прикрытием знамя. Монарх улыбувшись сказал: «Дурак! Теперь никто не ведает того, что ты наказан, а тогда всякий узнает, что ты бит кнутом», — и сделал ему увещание, чтоб он забыл и наказание свое и все проступки свои,

за которые наказан, и ведал бы: 1. что он прощается не по правосудию и не по милосердию, а по надобности в нем; 2. что если ли впредь узнано будет о подобных его бездельствах, тогда публично уже будет наказан, или смотря по вине и смертию казнен, без всякого милосердия.